

Ся Цзиянь понятия не имел, как другие осознают свою ориентацию. Для него самого этот момент стал глубокой раной, которая не затягивалась до сих пор. Всё случилось в восьмом классе. В ту пору он ещё толком не вытянулся, ходил с нелепой стрижкой под горшок, да и ломаться его голос даже не думал — пищал так тонко, что Цзияня частенько путали с девчонкой.

В средних классах у всех как раз начинают просыпаться первые чувства, так что и мальчишки, и девчонки только и делали, что шушукались за спинами: кто в кого втрескался, кто по кому вздыхает. Как-то раз на уроке словесности им задали сочинение на тему «Мой одноклассник».

Цзиянь решил написать о парне, которого мысленно звал «одноклассником А». Кажется, фамилия у него была Ли, но за долгие годы он так старательно вымарывал те позорные воспоминания из памяти, что имя стёрлось окончательно. Вот только саму историю забыть так и не удалось.

Тот парень играл за школьную сборную по баскетболу. В свои четырнадцать он уже вымахал под метр восемьдесят — дерзкий, хулиганистый, вечно заваливающий гуманитарные предметы, но по математике неизменно бьющий все рекорды класса. Поговаривали, будто в него тайно вздыхала добрая треть девчонок всей школы. Цзияню же безумно нравилась его улыбка.

В своём сочинении Цзиянь так и написал: «Мне нравится, как он улыбается. Его улыбка такая тёплая и солнечная, будто он сам светится изнутри».

На следующем уроке, когда разбирали работы, учительница зачитала сочинение Цзияня вслух. На этой самой строчке она запнулась, опустила листок и покачала головой:

— Написано очень красиво, Цзиянь. Вот только... почему ты пишешь о друге так, будто признаёшься в любви? Будь ты девочкой, я бы поняла, но ты ведь мальчик...

Тут же со своего места подскочил главный заводила класса, «одноклассник Б», и истошно завопил на весь кабинет:

— Ого! Ни фига себе, Ся Цзиянь втюрился в Ли! Голубой! Пацаны, зырьте, он голубой! Гей, гей, Ся Цзиянь — гей!

Учительница попыталась его осадить:

— Тихо! Прекрати немедленно этот балаган и сядь на место.

— Да ладно вам, учитель! Он же и так на девку похож, вылитый педик! Фу, мерзость какая!

— Прекрати нести чушь! — прикрикнула учительница.

Но в Цзияне уже вскипела горячая подростковая кровь. Он с грохотом хлопнул ладонью по парте, подскочил на месте и выкрикнул:

— Да, он мне нравится, поэтому я о нём и написал! И что тут мерзкого?!

— О-о-о! Слыхали?! Он сам признался! Признался! Он сохнет по Ли, он реальный гей! — взвизгнул заводила.

Цзиянь осёкся, внезапно осознав, какую глупость совершил. Слова застряли в горле.

Разгневанная учительница выволокла крикуна за шкуру в коридор, а Цзияня оставила стоять у парты до конца урока за то, что выкрикивал с места без спроса. Словесная перепалка на этом затихла, но клеймо «неправильного» прилипло к нему намертво. Буквально за неделю вся школа узнала: Ся Цзиянь из третьего класса — гей, который сохнет по Ли.

Сам того не замечая, он превратился в изгоя и идеальную мишень для издёвок.

Цзиянь рассказывал сбивчиво, то и дело замолкая, но Лин Чэнь слушал терпеливо и не перебивал, боясь разрушить хрупкое доверие.

Немного помолчав, Цзиянь продолжил:

— В школах вообще часто процветает странное скотство: стаду обязательно нужно сплотиться против кого-то одного, чтобы почувствовать себя сильными. Моя ориентация сделала меня идеальным козлом отпущения. Поначалу они просто развлекались по мелочи — пинали мои тетрадки, пачкали учебники, рисовали похабщину на контрольных. Потом додумались кидатьдохлых мух и жуков мне в стакан с водой... В те дни я ходил сам не свой, раздавленный и одинокий. Как раз тогда мне под руку попался фильм «Всё о Лили Чоу-Чоу», и я до боли поверил, что юность — это одна сплошная трагедия, где просвета нет и не будет. Господи, вспоминаю сейчас и так тошно от собственной слабости...

— Наверное, дело в том, что ты просто не вписывался в их рамки, — негромко отозвался Лин Чэнь, когда его собеседник умолк. — Люди ведь дикие существа. Чуть видят кого-то, кто отличается от большинства, кого они не способны понять, сразу скалятся. А наш мир... ну, в нём всё-таки правят бал натуралы.

— Это точно, — вздохнул Цзиянь.

— Но... слушай, я не мастак толкать утешительные речи, но... в общем, мы с тобой одной крови, — мягко добавил Лин Чэнь.

— В смысле?

— Мне тоже нравятся парни. Тут у нас полное совпадение.

— А... Вот оно как.

— Ага. Помню, когда я впервые набрался храбрости и выложил брату, что девчонки меня совсем не прельщают, он завис на пару недель. Ходил чернее тучи, бедолага, переживал. Но ничего, переварил и принял. Мне чертовски повезло с ним, он с детства меня балует. Но вообще я об этом помалкиваю. Направо и налево своей ориентацией не хвастаюсь — общество у нас, мягко говоря, к такому ещё не готово.

Секрет, сблизивший их, повис в воздухе тёплым облаком доверия. Некоторое время они молчали, каждый думал о своём. Наконец Лин Чэнь нарушил тишину, весело усмехнувшись:

— Слушай, а я ведь всё думал: почему твои персонажи звучат так чертовски убедительно? Теперь ясно, у тебя к этому делу врождённый талант!

— Ну ты скажешь тоже! Какой ещё, к чёрту, талант? — фыркнул Цзиянь, растроганный до глубины души.

— Эй, я в хорошем смысле! — замахал руками Лин Чэнь. — Просто большинство сетевых радиопостановок — это ведь яой, чистая романтика между парнями. Когда за такое берётся стопроцентный натурал, частенько выходит фальшиво. А у тебя... ну, ты понимаешь, о чём я.

— Да ладно, не оправдывайся. Я понял, что это был комплимент. Спасибо, — рассмеялся Цзиянь, спеша выручить друга из неловкого положения.

— Прости, что разбередил старые раны. Я правда не силен в утешениях...

— Брось, всё в порядке. Мне наоборот стало намного легче оттого, что я наконец выговорился. Эти воспоминания годами висели у меня на шее мёртвым грузом, я никому о них не рассказывал. Но почему-то именно тебе безумно хотелось открыться... Надеюсь, я не слишком утомил тебя своим нытьём?

— Ну что ты! Я рад, что смог разделить с тобой эту ношу. Честно.

Они болтали ещё долго, пока дыхание Лин Чэня не выровнялось и он тихонько не засопел, проваливаясь в сон. Цзиянь послушал его ровное дыхание, улыбнулся темноте и сам закрыл глаза.

В ту ночь он спал без задних ног, на редкость спокойно и безмятежно. Сбросить с души этот

вековой нарыв оказалось невероятным облегчением. Какая-то детская, чистая радость переполняла грудь. Впервые за долгое время он почувствовал, что рана затянулась. Лин Чэнь, сам того не зная, излечил его.

На следующий день по плану офлайн-встречи друзей по интернету намечалась экскурсия по местным достопримечательностям, однако Лин Чэнь решил пропустить развлекательную программу и засобиравшись домой. Прощаться было тяжело обоим — они топтались на пороге, не зная, как растянуть последние минуты.

Лин Чэнь вскользь обронил, что если Цзиянь как-нибудь выберется в Город В, то может смело останавливаться у него. И тут Цзиянь совершил самый отчаянный и, как он до сих пор считал, самый гениальный поступок в своей жизни. Он прямо спросил:

— А если я прямо сейчас с тобой поеду,пустишь?

— Д-да... конечно, поехали! — заикаясь от неожиданности, выпалил Лин Чэнь. Но в его глазах в этот момент вспыхнули такие яркие искры, что у Цзияня сладко заныло под ложечкой.

Цзиянь был абсолютно уверен: между ними существовала та редкая ментальная связь, которую называют родством душ. Шутка ли — пригласить малознакомого парня к себе домой в первый же день личной встречи! Это ли не доказательство того, что он занял особое место в сердце Лин Чэня?

Правда, стоило Цзияню позже попытаться козырнуть этим аргументом перед Горами и реками на десять тысяч ли, как тот тут же окатил его ушатом ледяной воды:

— Окстись, при чём тут симпатия? Твой Лин Чэнь просто наивный как пробка. У парня инстинкт самосохранения напрочь отсутствует, раз он готов любого встречного из интернета к себе домой тащить... Короче, ты просто нагло воспользовался детской доверчивостью.

На экране телефона замигал значок QQ. Пришло сообщение. Цзиянь скользнул взглядом по мигающей аватарке Лин Чэня с Луффи, перевёл глаза на своего Ганса и блаженно заулыбался. Какая же они всё-таки идеальная пара!

Лин Чэнь: =w= Приветик!

Кисло-острая лапша: (͡° ͜ʖ ͡°)

Лин Чэнь: Хе-хе, я Лин Чэнь. А то я даже твоего сетевого ника не знаю.

Кисло-острая лапша: Так и зови — Кисло-острая лапша.

На самом деле Цзияню так и подмывало назваться Крахмальным желе, но это было бы слишком очевидным намёком. Лин Чэнь сразу бы обо всём догадался, а раскрывать карты раньше времени не хотелось.

Лин Чэнь усталился на присланный ник, и на душе у него заскребли кошки. Прохладного Ветра Небесного Цвета в сети величали либо Лян-ляном, либо Матушкой, и только Лин Чэнь упрямо звал его Крахмальным желе...

Понятно, что лапша и желе — вещи разные, но всё же... Почему его так упорно тянет на всякий крахмальный фастфуд?

В памяти всплыло, что этот парень как-то репостил записи из паблика «Музыкальных уз брентного мира». В груди шевельнулось нехорошее предчувствие.

«Только не говорите, что он один из этих...»

Лин Чэнь набрал ответ:

Лин Чэнь: Слушай, а ты случайно не из «Музыкальных уз брентного мира»?

Кисло-острая лапша: Да бог с тобой, нет конечно! Я вольный стрелок, независимый продюсер. Ни в каких гильдиях и студиях не состою.

Лин Чэнь: А, фух.

Лин Чэнь мысленно выдохнул.

Кисло-острая лапша: Господин кумир, я... ну, в этом деле я пока полный профан. Если буду жутко тупить, не серчай, ладно?

Лин Чэнь: Пустяки =w= Все мы когда-то начинали с нуля.

Кисло-острая лапша: (OvO) Угу! Каст я пока не набрал, но это дело пары дней. Обещаю, проект не заброшу и тебя не подведу! Веришь мне?

Лин Чэнь: Верю, конечно =v=

Кисло-острая лапша: QUQ Великий кумир, а каков твой ценник?..

Лин Чэнь: За некоммерческие проекты я денег не беру.

Кисло-острая лапша: О боже, ты святой человек!

Лин Чэнь: Кстати, а тебе сколько лет? По общению кажется, что ты совсем юный... Школьник ещё?

Кисло-острая лапша: Эм... Вообще-то я постарше тебя буду...

Лин Чэнь удивлённо моргнул. По манере переписки этот фанат казался сущим ребёнком, у которого на уме одни смайлики. Он был уверен, что общается с каким-нибудь старшеклассником.

Кисло-острая лапша: Я уже на втором курсе магистратуры...

Лин Чэнь: 0_0 Рано в школу пошёл?

Кисло-острая лапша: Да нет, как все [сквозь слезы]. Я старше тебя почти на пять лет.

Лин Чэнь: Оу...

Кисло-острая лапша: QWQ Только не гони меня, пожалуйста!

Лин Чэнь: Да брось, с чего бы мне тебя гнать.

Кисло-острая лапша: (□□ 3□)□ О-о-о, мой кумир! Обожаю тебя!

Кисло-острая лапша: Серьёзно, ты такой душка!!!

Лин Чэнь: [смех сквозь слезы]

Кисло-острая лапша: У тебя просто золотые руки! Я заслушал до дыр твою недавнюю работу «Семнадцать лет порхающих бабочек». Боже, шорох крыльев — это нечто! Чистый восторг!

Кисло-острая лапша: Особенно в финале, когда гун превращается в бабочку и улетает. Звуковые эффекты там просто космос, а музыка подобрана так, что аж мурашки по коже!

Лин Чэнь: Ого, да ты знаток! С этим звуком я намучился знатно. Чего только не перепробовал: и плотный картон тряс, и плёнку рваную, и шёлковые платки... Всё, что хоть отдалённо могло сойти за взмах тонких крыльев. В итоге нашёл идеальный вариант. А хрустальный звон, кстати,

записал, когда тёр тонкие стеклянные бокалы друг о друга, ха-ха!

Кисло-острая лапша: (OOO) Ничего себе! Ты сам всё это записываешь?

Лин Чэнь: Ну разумеется!

Кисло-острая лапша: QAQ Боже, ты гений! Я теперь твой преданный раб навеки!

Лин Чэнь: [смех сквозь слезы]

Чертовски приятно было встретить человека, который не просто слушал, а понимал всю тонкость работы. Лин Чэня захлестнула волна детской гордости и тепла.

Сюй Цинтянь подошёл к нему со стаканом сока и, заметив, как Лин Чэнь светится, уставившись в экран, усмехнулся:

— Чему скалишься? Выиграл в лотерею?

— Да вот, переписываюсь с этой Кисло-острой лапшой. Прикинь, он единственный заметил, как ювелирно я свёл звуковую дорожку в последней драме для Нео. Кажется, этот парень действительно шарит. Он мне уже нравится! — с восторгом отозвался Лин Чэнь.

Сюй Цинтянь и сидевший неподалёку Су Сюэчжэнь удивлённо переглянулись. Таким воодушевлённым они Лин Чэня не видели уже сто лет. Пожалуй, со времён знакомства с Юэ Хуа у него не появлялось собеседника, с которым общение приносило бы столько чистого, незамутнённого удовольствия.

<http://bllate.org/book/20127/2039305>